

О. И. СЫРОМЯТНИКОВ

ПРАВОСЛАВНАЯ СОТЕРИОЛОГИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

На примере произведения «Сон смешного человека»

УДК 241 (82.09)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности реализма Ф. М. Достоевского с точки зрения православного учения о спасении — сотериологии. Предметом исследования является рассказ «Сон смешного человека», входящий в апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Тему рассказа образует основной вопрос творчества Достоевского — вопрос о причинах грехопадения человека и условиях его воскресения к жизни. Показано, что рассказ имеет сложную композицию, образованную включением одного сюжета в другой: в основной сюжет, повествующий о грехопадении и последующем спасении главного героя рассказа, включен сюжет, рассказывающий о грехопадении и гибели человечества.

Ключевые слова: Достоевский, «Сон смешного человека», Смешной человек, сотериология, апостасия, грехопадение, спасение, сюжет, герой, Бог, Истина.

В начале 1881 г. Достоевский, завершая свой земной путь, записывает в дневнике: «При полном реализме найти в человеке человека... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»¹. Эти слова всегда привлекали внимание исследователей и получили множество интерпретаций, само

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881 // ПСС. 1984. Т. 27. С. 65.

количество которых указывает на то, что ни одна из них не обладает необходимой полнотой. Следует помнить, что одно и то же слово в разных мировоззренческих контекстах может порой иметь совершенно различные значения, поэтому для того, чтобы понять сказанное человеком (в том числе писателем), необходимо прежде всего понять его самого, хотя бы в самом главном.

Сегодня бесспорным фактом является то, что Достоевский был православным христианином, жившим полной церковной жизнью. Говоря об основном содержании его творчества, митр. Антоний (Храповицкий) подчеркивал: Достоевский «все время писал об одном и том же... Та объединяющая все его произведения идея, которую многие тщетно ищут, была не патриотизм, не славянофильство, даже не религия, понимаемая как собрание догматов, эта идея была из жизни внутренней, душевной, личной, она была не посылкой, не тенденцией, но просто центральной темой его повести, она есть живая, близкая всякому, его собственная действительность. *Возрождение*² — вот о чем писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев и лишь с этой точки зрения интересуется сам автор различными богословскими и социальными вопросами...»³. Называя Достоевского «великим, бесстрашным православным апостолом, пророком, философом и поэтом», прп. Иустин (Попович) писал: «Для Достоевского “Православие есть всё”, необычный и единственный Образ православного Богочеловека Христа есть всё»⁴.

Однако то, что являлось очевидным для православного читателя, было долгое время недоступно исследователям, не знающим православия и не владеющим гносеологическими ресурсами православного богословия. Уже четверть века Россия свободна от советской идеологии,

² Здесь и далее все выделения в цитатах принадлежат их авторам.

³ Антоний (Храповицкий), архиеп. 2007. С. 254–255.

⁴ Иустин (Попович), прп. 2007. С. 311.

однако наука освобождается от нее чрезвычайно медленно. Лишь благодаря трудам В. В. Ветловской⁵, М. М. Дунаева⁶, В. Н. Захарова⁷, И. А. Есаулова⁸, С. Сальвестрони⁹, К. А. Степаняна¹⁰ и некоторых других исследователей сегодня становится очевидно, что без создания новой сферы литературоведения — *православной поэтики* невозможно полное, а главное, достоверное понимание творчества великих русских и европейских писателей.

Возвращаясь к словам Достоевского, скажем, что они сказаны глубоко и сознательно верующим христианином, для которого человек представляет единство тела, души (разума и чувств) и духа: «Человек вечен, он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью», то есть с самим Богом¹¹. Эта связь возникает благодаря тому, что человек — единственное живое существо, созданное по образу Бога¹², то есть обладает разумом, свободой, совестью и другими добродетелями, совершенствуя которые человек может достичь подобия Богу, стать счастливым и обрести бессмертие. Однако, будучи свободным, человек может отвернуться от Бога и направить все свои силы на служение самому себе — на удовлетворение интеллектуальных, эмоциональных и телесных потребностей. Первый путь христианство называет *сотерией*¹³, второй — *апостасией*¹⁴. Соответственно, литературное произведение (и любое произведение искусства), описывающее путь

⁵ См.: Ветловская 2002. А также: Ветловская 2007.

⁶ См.: Дунаев 2002.

⁷ См.: Захаров 2012.

⁸ См.: Есаулов 2012.

⁹ См.: Сальвестрони 2001.

¹⁰ См.: Степанян 2005.

¹¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 г. Август // ППС. 1984. Т. 26. С. 165.

¹² Быт. 1, 27.

¹³ От греч. *σωτηρία* — спасение.

¹⁴ От греч. *ἀποστασία* — отпадение, отступничество, измена.

человека к Богу, является *сотерийным*, а произведение, показывающее процесс богоотступничества, — *апостасийным*. Сотерийные и апостасийные произведения во всем многообразии жанров и форм образуют *христианскую литературу*.

Одним из таких произведений является рассказ «Сон смешного человека», входящий в апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Он имеет бинарную композицию, образованную двумя сюжетами, помещенными один в другой¹⁵. *Основной сюжет* состоит из двух самостоятельных сюжетов, связанных образом главного героя. Первый сюжет — апостасийный — показывает итог богоотступничества героя — его последние часы перед самоубийством. Второй сюжет — сотерийный — рассказывает о том, *как и почему* Смешной человек не только избежал смерти, но и обрел ясный смысл жизни и стал счастливым.

Внутри основного сюжета находится отдельный апостасийный сюжет, повествующий о духовной гибели человечества, собирательный образ которого выполняет функцию главного героя. Будучи вполне самостоятельным по форме, этот *включенный сюжет* подчинен основному сюжету по содержанию, так как несет в себе ответ на главный вопрос всего рассказа. Кроме этого, основной и включенный сюжеты взаимодействуют между собой по «закону отражения идей»¹⁶: если основной сюжет начинается гибелью, а заканчивается спасением и счастьем, то включенный сюжет начинается счастьем, а заканчивается гибелью.

Идея спасения является доминантой всего рассказа, потому что для христианина Достоевского важно не столько показать падение человека, сколько указать путь к его спасению. Тем самым писатель следует православной сотериологии, основу которой образует учение о том, что *Бог есть любовь*¹⁷ — то, что творит, развивает и спасает жизнь. Будучи

¹⁵ Этот «матрешечный» принцип Достоевский реализовал во всей полноте в «Братьях Карамазовых» (глава «Русский инок»).

¹⁶ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876. Декабрь // 1982. Т. 24. С. 48.

¹⁷ 1 Ин. 4, 16.

любовью, говорит Священное Писание, *Бог не желает погубить душу и помышляет, как бы не отвергнуть от Себя и отверженного... дабы всякий, верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную*¹⁸. Он говорит человеку: *«Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое»*¹⁹. В каждое мгновение жизни Бог выстраивает для человека уникальн^{ый}, только ему предназначенн^{ый} путь ко спасению и подает все необходимые для его прохождения средства. При этом Он не спасает человека «автоматически» и не принуждает его ко спасению, а смиренно ждет, когда человек сам примет решение: *«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною»*²⁰.

Главное препятствие на пути ко спасению человека представляет гордость. Именно она является основной чертой главного героя рассказа: *«Я всегда был так горд...»*²¹. Образом Смешного человека Достоевский показывает духовно-нравственн^{ый} феномен, при котором человек не считает гордость причиной своих бед, а только наблюдает за ней, словно со стороны: *«Гордость эта росла во мне с годами...»*²². Однако если человек не борется со страстью, она постепенно заполняет его душу, вытесняет из нее добрые качества и подчиняет себе разум и чувства²³. Так и разум Смешного человека, вместо того чтобы помогать ему жить, порождает гибельную мысль о том, что *«на свете везде все равно... Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал ли бы мир или если б*

¹⁸ 2 Цар. 14, 14; Ин. 3, 16.

¹⁹ Втор. 30, 19.

²⁰ Откр. 3, 20.

²¹ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ППС. 1983. Т. 25. С. 104.

²² Там же. С. 104.

²³ Об этом духовном законе писатель сказал словами Свидригайлова: *«Разум-то ведь страсти служит»* (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ППС. 1973. Т. 6. С. 215).

нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что *ничего при мне не было*. Сначала мне все казалось, что зато было многое прежде, но потом я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-помалу я убедился, что и никогда ничего не будет»²⁴. Формула «все равно» в поэтике Достоевского обозначает крайнюю степень духовного разложения человека, за которой следует смерть: «Я положил в эту ночь убить себя»²⁵.

Гордость Смешного человека породила его мнительность («надо мной смеялись все и всегда») и «жестокое сладострастие»²⁶, которое, по его словам, «постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества»²⁷. Сладострастие Смешного человека — особого рода. Это не примитивная плотская страсть, а утонченный интеллектуальный гедонизм: «У меня клеенчатый диван, стол, на котором книги, два стула и покойное кресло, старое-престарое, но зато вольтеровское. Я сел, зажег свечку и стал думать... Я ведь каждую ночь не сплю до самого рассвета и вот уже этак год. Я просиживаю всю ночь у стола в креслах и ничего не делаю. Книги читаю я только днем. Сижусь и даже не думаю, а так, какие-то мысли бродят, а я их пускаю на волю»²⁸.

Еще одним следствием гордости является мизантропия. Однако ненависть к людям в душе Смешного человека рождается из любви к ним: «В ненависти моей к людям нашей земли заключалась всегда тоска: зачем я не могу ненавидеть их, не любя их, зачем не могу не прощать их, а в любви моей к ним тоска: зачем не могу любить их, не ненавидя их?»²⁹

²⁴ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ППС. 1983. Т. 25. С. 105.

²⁵ Там же. С. 106.

²⁶ Сладострастие — тяга к наслаждениям, гедонизм. Эпитет «жестокое» в данном случае употреблен в значении «непреодолимое».

²⁷ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 113.

²⁸ Там же. С. 106—107.

²⁹ Там же. С. 114.

Заметим, что нравственный феномен совмещения в одном человеке гордости и любви Достоевский детально исследовал в образе Раскольникова. В финале романа герой указывает на причину своего преступления: «Я сам хотел добра людям... О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! *Не было бы всего этого!*»³⁰ Необходимым условием спасения Раскольникова становится освобождение его любви к людям от власти гордости, что и происходит на протяжении всего действия романа. Этот путь должен пройти и Смешной человек.

Преддверием к его спасению становится будто бы случайная встреча с девочкой поздним вечером на улице. Сначала Смешной человек не заметил в происшедшем ничего необычного, и только много позже понял его смысл: «Эта девочка спасла меня»³¹. Средства ко спасению, подаваемые Богом, всегда абсолютно тождественны духовному состоянию человека в данный момент, поэтому *только такой* облик девочки («девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая... мокрые разорванные башмаки»), при *таких условиях* («я возвращался тогда в одиннадцатом часу вечера домой, и... подумал, что уж не может быть более мрачного времени. Даже в физическом отношении. Дождь лил весь день, и это был самый холодный и мрачный дождь») и при *таких обстоятельствах* («ее мать где-то помирает или что-то там с ними случилось, и она выбежала позвать кого-то, найти что-то, чтоб помочь маме») был способен пробудить в душе Смешного человека остаток «живой жизни».

Главным событием встречи с девочкой стал момент, когда «в голосе ее прозвучал тот звук, который у очень испуганных детей означает отчаяние. Я знаю этот звук»³². Слова, интонации, внешний вид девочки — все было направлено к живой душе того человека, который однажды уже пережил сострадание к ближнему своему. И результат был достигнут: Смешной человек «вдруг почувствовал, что» ему «не все равно» и что он жалеет

³⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. 1973. Т. 6. С. 400–401.

³¹ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 108.

³² Там же. С. 106.

девочку³³. Более того, впервые за долгое время он ощутил нравственную боль и «чувство стыда после сделанной подлости»³⁴.

Пробуждение совести было необходимо для начала спасения. Но совесть не может существовать сама по себе, без постоянной и прочной связи со своим источником — Богом. «Совесть без Бога есть ужас, — сказал Достоевский, — она может заблудиться до самого безнравственного»³⁵. Вот и Смешной человек, следуя голосу совести, хотел помочь девочке и «непременно помог бы ей», но ослепленный гордостью разум немедленно подавил это желание: «Вдруг возник тогда передо мной вопрос, и я не мог разрешить его. Вопрос был праздный, но я рассердился...»³⁶. Совесть на какое-то время успокоилась, и Смешной человек нарушил важнейший духовный закон — закон любви к ближнему³⁷: «Я сначала ей сказал, чтоб она отыскала городского», а затем «топнул на нее и крикнул»³⁸.

Православие говорит, что если человек уже не способен делать добро, то Бог использует для его спасения и совершаемое им зло: преступление Смешного человека заставило совесть заговорить, и она «отдалила выстрел»³⁹, отсрочила самоубийство. Теперь, чтобы спасение стало окончательным, необходимо устранить причину, по которой герой рассказа оказался на краю гибели, — гордость. Гордость Смешного человека, как и всех прочих «прогрессистов», опирается на безоглядную веру во всемогущество человеческого разума. Об этой специфической «религии» образованного русского общества говорят слова Порфирия Петровича, обращенные к Раскольникову: «Вы... Родион Романович... человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум

³³ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 107.

³⁴ Там же. С. 108.

³⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь // ПСС. 1984. Т. 27. С. 56.

³⁶ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 107.

³⁷ См. Мф. 22, 37–39.

³⁸ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 106.

³⁹ Там же. С. 108.

человеческий цените, по примеру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка вас соблазняют-с»⁴⁰.

Смешной человек также привык надеяться на разум и на собственные силы и способности, поэтому средством спасения для него мог стать только сон — состояние, в котором человеком руководит не разум, а что-то другое: «Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающею ясностью, с ювелирски-мелочною отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце»⁴¹.

Сон героя образует особое онтологическое пространство, «фантастическую реальность», в которой и осуществляется его спасение. Прежде всего разрушается привычное заблуждение о праве человека самому распоряжаться своей жизнью. Смешной человек «ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце», однако факт продолжающейся после смерти жизни был бесспорен: «А, стало быть, есть и за гробом жизнь!»⁴² Становится очевидным и обман разума, и то, что человек не властен ни над смертью, ни над жизнью.

Понимание этого обстоятельства высвобождает из-под гнета разума веру, которая является главным и необходимым условием спасения человека от смерти: «*Иже веру имет и креститъся, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет*»⁴³. Теперь становится возможным и молитвенное обращение «к Властителю всего того, что совершалось: “Кто бы Ты ни был, но если Ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здесь”»⁴⁴.

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. 1973. Т. 6. С. 263.

⁴¹ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 108.

⁴² Там же. С. 110.

⁴³ Мк. 16, 16.

⁴⁴ Написание лексик, обращенной к имени Бога, восстановлено по изданию: Достоевский Ф. М. ПСС в 14 тт. СПб., 1906. Т. 12 (Дневник писателя за 1877 г.).

Молитва является актом признания Высшей воли, управляющей миром, и моментом восстановления веры в душе Смешного человека: «Целую почти минуту продолжалось глубокое молчание... но я знал, я беспредельно и нерушимо знал и *верил* (курсив автора статьи. — О. С.), что непременно сейчас все изменится»⁴⁵.

Дальнейшие события сна показывают Смешному человеку ничтожество его своеволия: «*Я был взят* каким-то темным и неизвестным мне существом... *И вот я в руках существа* (курсив автора статьи. — О. С.), конечно, не человеческого, но которое *есть*, существует...»⁴⁶. Однако гордость, взращиваемая всю жизнь, не может быть побеждена мгновенно, и временами она продолжает напоминать о себе: «Я не спрашивал того, который нес меня, ни о чем, я ждал и был горд. Я уверял себя, что не боюсь, и замирал от восхищения при мысли, что не боюсь»⁴⁷. Гордость была причиной и «глубокого отращения», которое герой испытывал к «неизвестному существу», и попытки вновь заявить своеволие: «*И если надо быть* снова... и жить опять по чьей-то неустрашимой воле, то не хочу, чтоб меня победили и унизили!»⁴⁸

Решающим фактором в разрушении гордости стало понимание того, что не она, а любовь является *естественным* состоянием человека. Прежде Смешной человек только мечтал о том, как хорошо было бы, если бы все люди любили друг друга, но не мог представить себе, как это может быть на самом деле. И лишь во сне он впервые в жизни увидел не «теоретическую», а реальную, осуществленную любовь людей друг к другу и ко всему миру. Он узнал, что любовь между людьми возможна не только как благое пожелание, но и как форма практического социального бытия.

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 110.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Оказавшись в мире, буквально наполненном любовью, Смешной человек впервые в жизни испытал подлинное счастье. Однако, напоминает Достоевский об одном из важнейших духовных законов, «человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием»⁴⁹. Счастье является результатом духовного труда человека, идущего путем спасения, а Смешной человек оказался *внутри* счастья безо всякого усилия и точно таким, каким был в обычной жизни, — тяжело больным духовно, поэтому когда с ним соприкоснулись люди, не имевшие духовного иммунитета, они немедленно заразились: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю»⁵⁰. Смешной человек сделал это, не желая зла и не ища корысти, а просто *привычно* прибегнул ко лжи в общении с этими людьми, и «они научились лгать, и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось *невинно*, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им»⁵¹.

Преступление Смешного человека имело важное значение и для него самого. Пораженный красотой и совершенством увиденного во сне мира, он успел полюбить его всем существом своим, и тем ужаснее было страдание, когда он понял, что стал причиной его гибели. С этого момента наступает следующий этап спасения — раскаяние: «Я развратил их всех!.. Я простирал к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что все это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь!»⁵² Гордость Смешного человека уже не имеет над ним власти, и раскаяние продолжается покаянием. Оно *начинается* во сне: «Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил

⁴⁹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Рукописные редакции. Третья (окончательная) редакция. Подготовительные материалы // ПСС. 1973. Т. 7. С. 155.

⁵⁰ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 115.

⁵¹ Там же. С. 115–116.

⁵² Там же. С. 115, 117.

их, как сделать крест»⁵³, *продолжается* после него: «А ту маленькую девочку я отыскал...»⁵⁴ — и *завершается* открытием смысла своего бытия: «Я иду проповедовать, я хочу проповедовать»⁵⁵.

* * *

Мир, который Смешной человек увидел во сне, не был воплощением библейского рая или античного мифа, но он не был порождением и его больного сознания. Сон *был дан* Смешному человеку как средство ко спасению: духовная реальность, подчиняясь воле Спасителя, в малейших подробностях воплотила представление героя об идеальном устройстве жизни людей. Он (как и Раскольников, и многие другие персонажи Достоевского) сложил его из тех «недоконченных идей», которыми было наполнено общественное сознание Петербурга XIX в.⁵⁶ Особая притягательность этих идей заключалась в их демонстративном богоборчестве, которое Достоевский называл «правом на бесчестье». Идеи безбожия и всемогущества человеческого разума провоцировали национальный темперамент русского человека, стремящегося во всем «до последних столбов дойти»⁵⁷, заглянуть за край добра и зла. Другая причина заключалась в том, что эти идеи *вроде бы* отвечали на вопросы, которые всегда были близки и дороги русскому человеку. Они предлагали новые и, казалось бы, вполне осуществимые пути всеобщего благоденствия на основе счастья, любви, свободы, равенства и братства, и оставалось только дофантазировать некоторые детали, чем со страстью и занимались «мечтатели», подобные герою рассказа. В результате тот образ земного рая, который он создал в своем сознании, и был воплощен в его сне спасающей волей Творца.

⁵³ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 117.

⁵⁴ Там же. С. 119.

⁵⁵ Там же. С. 118.

⁵⁶ См. письмо М. Н. Каткову: Достоевский Ф. М. Письма. 1865 // ПСС. 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 136.

⁵⁷ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. 1973. Т. 6. С. 351.

Смешной человек оказался в собственном сне, как зритель, волей всемогущего Режиссера вдруг поставленный на сцену рядом с актерами. Главной целью этого «спектакля» было зримо, осязаемо, *реально* показать Смешному человеку возможность существования мира, о котором он раньше только мечтал, показать, что любовь людей друг к другу действительно возможна и что они «могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле»⁵⁸. И эта цель была достигнута.

Однако это только внешняя, сюжетная цель рассказа. Полагаем, у Достоевского была и иная цель: показать уже не столько Смешному человеку, сколько своим современникам глубокую ошибочность «прогрессивного» представления о человеческом братстве. Писатель верит, что без живой связи с Богом человеческое общество рано или поздно погибнет и что никаких «естественных» оснований для духовного братства нет и быть не может. Человеческое братство не появляется в процессе биологической или социальной эволюции и не становится результатом осуществления некоего проекта, созданного человеческим разумом, а возникает тогда, когда разные люди, любя одного Отца, любят и друг друга. Этот духовный закон и провозглашает Смешной человек в финале рассказа: «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо...»⁵⁹.

Характерной особенностью творчества Достоевского является то, что оно всегда говорит о самом главном в жизни человека, обращается к важнейшим религиозным, нравственным и аксиологическим вопросам, без ответа на которые жизнь человека не имеет смысла. При этом он предупреждает читателя, что иногда бывает крайне трудно отличить проявления подлинной любви, добра и красоты от их суррогатов. В своем последнем романе писатель говорит об этом словами Дмитрия Карамазова: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки.

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 118.

⁵⁹ Там же. С. 119.

Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁶⁰.

Это в полной мере относится и к такому понятию, как «любовь». Смешной человек много раз использует это слово для описания мира, увиденного им во сне. В своей обычной жизни он не знал ни любви, ни счастья и представлял их себе по книгам, в которых люди жили в естественной априорной гармонии друг с другом и со всем миром. Впервые увидев такую гармонию во сне, Смешной человек решил, что ее основанием является любовь. Но то, что выглядит как гармония, может и не быть следствием любви.

Любовь — это то, что рождает, развивает и спасает жизнь. Она возникает тогда, когда человек готов отдать ради того, кого (что) он любит, самое дорогое для себя. Настоящая любовь проявляется не в чувстве и не в мысли, а в жертвенном поступке, поэтому Священное Писание раскрывает ее сущность глаголами: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится»⁶¹ и т. д. Евангелие устанавливает ясный критерий любви, говоря, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*⁶², поэтому настоящая любовь всегда проявляется как подвиг самоотвержения по примеру Самого Бога, который *так возлюбил... мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*⁶³.

Если в любви нет жертвы, то от нее остается только внешняя оболочка, состоящая из эстетических переживаний, которые и увидел Смешной человек в людях из своего сна: «Они окружили меня, целовали меня»⁶⁴.

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. 3. 4 // ПСС. 1976. Т. 14. С. 100.

⁶¹ 1 Кор. 13, 4.

⁶² Ин. 15, 13.

⁶³ Ин. 3, 16.

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 112.

Такая «любовь» удобна и приятна и тому, кого любят, и тому, кто любит, потому что не требует от него никаких усилий. Но в своей жизни Смешной человек не знал и такой любви, и потому «целовал при них ту землю, на которой они жили, и без слов обожал их самих, и они видели это и давали себя обожать, не стыдясь, что я их обожаю, потому что много любили сами»⁶⁵. Однако обожание — не любовь, а эстетическое отношение к какому-либо предмету, безопасное, не содержащее страха преклонение (поклонение) перед кем-то или чем-то. Наконец, редукция этического содержания понятия «любовь» достигает своего предела: «У них была любовь и рождались дети...»⁶⁶.

И в какой-то момент Смешной человек понимает главное: «Казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая»⁶⁷. Влюбленность, то есть чувственное влечение к какому-либо предмету, была *естественной* средой существования этих людей, она давала им радость, спокойствие и душевный комфорт, поэтому они «не желали ничего и были спокойны»⁶⁸. Внезапное появление человека, не обладавшего этим свойством, немедленно привлекло их внимание: «Они... теснились ко мне и ласкали меня... и всякому из них хотелось успокоить меня... Им хотелось согнать поскорее страдание с лица моего»⁶⁹. Последние слова указывают на подлинную причину происходящего: самим фактом своего несовершенства Смешной человек разрушал гармонию мира этих людей, и они хотели побыстрее восстановить ее, «согнав страдание» с его лица.

Оказалось, что Смешной человек ошибся, приняв за любовь то, что ею не являлось. Однако осознание этого обстоятельства не имеет для него никакого значения, потому что он уже нашел единственно верный путь

⁶⁵ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 113.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 114.

⁶⁸ Там же. С. 113.

⁶⁹ Там же. С. 112.

ко спасению: «Я видел Истину»⁷⁰. Заметим, что для нехристианского сознания слово «истина» обозначает некую абсолютную по отношению к человеку и потому непознаваемую, вполне объективную действительность. Но для христианина Достоевского это слово имело иное и совершенно конкретное значение — служило указанием на вторую ипостась Божественной Троицы, было одним из имен Христа, используемых в Евангелии: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь»⁷¹. На то, что это слово употреблено Достоевским именно в таком значении, указывает его орфография. По свидетельству Н. А. Тарасовой, в рассказе слово «истина» только «один раз написано со строчной буквы, когда оно оказывается в составе устойчивого выражения “старая истина”»⁷².

Заметим, что этот прием непрямого указания на богочеловеческую личность Спасителя является одной из характерных черт поэтики Достоевского. Так, работая над «Преступлением и наказанием», писатель планировал включение в повествование сцены явления Христа главному герою, но затем отказался от этой идеи, почувствовав ее избыточность. Он поступил иначе — не изобразил богоявление, а сообщил о нем средствами православной поэтики. Первый раз это было сделано в сцене чтения Евангелия, в которой, помимо Раскольников и Сони, присутствует Христос, ибо там, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них⁷³. А второй раз — в эпилоге романа, где писатель говорит о том, что его герои спаслись от гибели и для них началась новая жизнь. Спасти человека от смерти может только Тот, Кто является источником жизни. Достоевский указывает на Его присутствие рядом с Раскольниковым и Соней словом, которым православие выражает сущность Бога, — любовь: «Их воскресила любовь»⁷⁴. Для христианского

⁷⁰ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 118.

⁷¹ Ин. 14, 6.

⁷² Тарасова 2007. С. 154.

⁷³ Мф. 18, 20.

⁷⁴ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. 1973. Т. 6. С. 421.

сознания евангельский контекст вполне очевиден: «*Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*»⁷⁵ и т. д.

Таким же образом Достоевский поступает и в рассказе, не описывая Божоявление, а сообщая о нем словами Смешного человека как о свершившемся факте: «Я иду проповедовать... Истину»⁷⁶, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу!.. Я видел Истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности...»⁷⁷. Курсивом Достоевский снимает все возможные двусмысленности, потому что в христианском понимании «живой образ Истины» не может быть ничем иным, как воплотившимся Богом, Иисусом Христом. Об этом говорит и то, что Смешной человек, как и всякий христианин, общается с Ним лично: «Истина шепнула мне, что я *лгу*, и охранила меня и направила»⁷⁸.

Христос — воплотившаяся любовь — добровольно принес Себя в жертву за всех людей, и Смешной человек готов взойти на крест ради спасения тех, кого любит: «Я ходил между ними... и плакал над ними, но любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны... Я простираю к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что все это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест»⁷⁹.

Путь ко спасению каждого человека индивидуален, хотя в силу единства человеческой природы и единства законов Божьего мира он не может быть принципиально разным у разных людей. Это значит, что путь Смешного человека к спасению мог быть только таким и никаким

⁷⁵ 1 Ин. 4, 16.

⁷⁶ Ср.: *Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6).

⁷⁷ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 118.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 117.

другим. И встреча с девочкой, и сон, и полет во сне, и «новые» солнце и земля, и новые люди этой земли — все это было создано Промыслом исключительно для спасения его одного. Благодаря сну Смешной человек *узнал и увидел* (то есть получил *полное* знание, не требующее дополнительных доказательств), что *Бог, бессмертие и любовь* действительно существуют: «Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал Истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она Истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете... Сон мой, — о, он возвестил мне новую, великую, обновленную, сильную жизнь!»⁸⁰

Достоевский уверенно следует традиции европейской литературы, герой которой зачастую является символом своего народа или какой-то значимой его части. В предисловии к русскому изданию романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» писатель говорит: «Но кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презираемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непчатых, бесконечных сил своих»⁸¹. Народ в целом никогда не становился героем художественного творчества Достоевского, потому что таким героем была наиболее значимая часть народа, способная влиять на самые разные его слои, — национальная интеллигенция. Именно она является главным героем художественного творчества писателя и адресатом его публицистики, а образ Смешного человека представляет собой только одно из ее художественных воплощений. Его судьбой Достоевский выражает веру в то, что как бы сильно русская интеллигенция ни заразилась идеями нигилизма, атеизма и эгоизма, она в конце концов найдет свой путь к Истине.

⁸⁰ Достоевский Ф. М. Сон смешного человека // ПСС. 1983. Т. 25. С. 109.

⁸¹ Достоевский Ф. М. Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» // ПСС. 1980. Т. 20. С. 28–29.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антоний (Храповицкий), архиеп. 2007 — *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Избранные труды, письма, материалы. М., 2007. [*Anthony (Khrapovitsky), archbishop.* Izbrannye trudy, pis'ma, materialy. Moscow, 2007.]
- Ветловская 2002 — *Ветловская В. Е.* Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб., 2002. [*Vetlovskaja V. E.* Analiz epicheskogo proizvedeniia: Problemy poetiki (Analysis of the epic work: Problems of poetics). Saint Petersburg, 2002.]
- Ветловская 2007 — *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. [*Vetlovskaja V. E.* Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy" (The novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"). Saint Petersburg, 2007.]
- Дунаев 2001–2004 — *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: в 6-ти частях. М., 2001–2004. [*Dunaev M. M.* Pravoslavie i russkaia literatura: v 6-ti chastiakh (Orthodoxy and Russian literature: in 6 parts). Moscow, 2001–2004.]
- Есаулов 2012 — *Есаулов И. А.* Русская классика: новое понимание. СПб., 2012. [*Esaulov I. A.* Russkaia klassika: novoe ponimanie (Russian classics: a new understanding). Saint Petersburg, 2012.]
- Захаров 2012 — *Захаров В. Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М., 2012. [*Zakharov V. N.* Problemy istoricheskoi poetiki. Etnologicheskie aspekty (Problems of historical poetics. Ethnological aspects). Moscow, 2012.]
- Иустин (Попович), прп. 2007 — *Иустин (Попович), прп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мк., 2007. [*Iustin (Popovich), prepodobnyi.* Filosofia i religia F. M. Dostoevskogo (Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky). Minsk, 2007.]
- Сальвестрони 2001 — *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итал. СПб., 2001. [*Salvestroni S.* Bibleiskie i sviatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo (Biblical and patristic sources of Dostoevsky's novels) / Per. s ital'ianskogo. Saint Petersburg, 2001.]
- Степанян 2005 — *Степанян К. А.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005. [*Stepanian K. A.* "Soznat' i skazat'": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F. M. Dostoevskogo ("To understand and say": "Realism in the highest sense" as a creative method of F. M. Dostoyevsky). Moscow, 2005.]
- Тарасова 2007 — *Тарасова Н. А.* Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека» («Дневник писателя») Ф. М. Достоевского

за 1877 г.) // Русская литература. 2007. № 1. С. 153–165. [Tarasova N. A. Znachenie zaglavnoi bukvy v nabornoj rukopisi rasskaza “Son smeshnogo cheloveka” (“Dnevnik pisatelya” F. M. Dostoevskogo za 1877 g.) (The meaning of the capital letter in the manuscript of the story “The Dream of a Ridiculous Man” (“The Diary of a Writer” by F. M. Dostoyevsky for 1877)) // Russkaia literatura. 2007. № 1 (Russian literature. 2007. № 1). P. 153–165.]

ИСТОЧНИКИ

ПСС — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990. [Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh (Complete works in thirty volumes). Leningrad, 1972–1990.]

Abstract

Syromyatnikov O. I. Orthodox soteriology in the work by F. M. Dostoevsky. Using as an example the novella “The Dream of a Ridiculous Man,,

The article discusses the features of F. M. Dostoevsky's realism from the point of view of soteriology — the Orthodox doctrine of salvation. The subject of research is the book called “The Dream of a Ridiculous Man”, included in the April edition of “The Writer's Diary” of 1877. The theme of the story is formed by the main question of Dostoevsky's works — the question of what causes man's fall and the circumstances of his resurrection. It is shown that the story has a complex composition formed by the inclusion of one plot into the other one: the main story, which tells about the fall and subsequent salvation of the main character, includes the story about the fall and death of all mankind.

Keywords: Dostoevsky, “The Dream of a Ridiculous Man”, Ridiculous Man, soteriology, apostasy, fall, salvation, plot, character, God, Truth.